

Риторическая *paradeigma* как особый тип недедуктивного умозаключения¹**Д.В. Зайцев^{#a}, Н.В. Зайцева^{*b}**[#] МГУ имени М.В. Ломоносова, ^{*} ВАВТ^azaitsev@philos.msu.ru, ^bnatvalen@list.ru

Аннотация: В статье анализируется так называемый риторический пример (*paradeigma*) – один из двух основных способов убеждения, указываемых Аристотелем в «Риторике». На основе анализа аристотелевского текста выявляется логическая форма этого рассуждения, основанная на отождествлении рассматриваемого актуального примера с примером-образцом в определенном контексте (первая посылка) и наличии у образца некоторого переносимого свойства (вторая посылка). В заключении рассуждения делается вывод о присущности переносимого свойства множеству, соответствующему контексту отождествления. Сравнения *paradeigma* с другими дедуктивными и недедуктивными типами рассуждений позволяет высказать обоснованное предположение о специфичности этого типа рассуждений и несводимости его к известным типам.

Ключевые слова: риторика, пример, *paradeigma*, недедуктивные рассуждения

Rhetorical *Paradeigma* as a Specific Type on Non-Deductive Reasoning**D. Zaitsev^{#a}, N. Zaitseva^{*b}**[#] Lomonosov Moscow State University, ^{*} Russian Foreign Trade Academy^azaitsev@philos.msu.ru, ^bnatvalen@list.ru

Когда, с точки зрения мирового научного сообщества, возникает необходимость решения какой-либо из глобальных проблем, требующих комплексного использования науки и технологий, по сложившейся традиции академии наук стран «Большой восьмерки» общаются к мировым лидерам с призывами объединить усилия ученых различных стран для решения этой проблемы. В апреле 2016 г. таким призывом к консолидации стало обращение «Понимание, защита и развитие глобальных ресурсов мозга» (Grillner et al 2016). Содействие достижению этой глобальной цели подразумевает в частности «теоретическое моделирование мозга и развитие на этой основе проектов искусственного интеллекта», а также «интеграцию нейронауки с общественными науками, науками о поведении в целях совершенствования управления образованием и планирования жизни». Одной из серьезных задач, стоящих на этом пути, является моделирование когнитивных процедур обработки информации, и в первую очередь, – естественных рассуждений. В этом направлении логикой, когнитивной наукой и computer science накоплен серьезный багаж, как в теоретическом осмыслении дедуктивных и правдоподобных (обобщающая индукция, исключаящая индукция, аналогия) рассуждений, так и в их формализации.

Несмотря на многовековую историю изучения рассуждений, исследователи продолжают обнаруживать новые разновидности рассуждений, в явном виде не выделявшиеся ранее. Хорошей иллюстрацией служат работы последних лет, посвященные абдукции (см. Douven 2017). Хотя сама идея абдуктивного рассуждения обнаруживается еще у Аристотеля, а свое развитие получает в работах Пирса, только в последние годы этот вид

¹ Исследование Д.В. Зайцева выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) грант № а 16-03-00749.

рассуждений благодаря применению в компьютерных науках получил более широкое признание и формальную экспликацию (см., например, Kakas et al 1995, Финн 1998). С нашей точки зрения, похожая судьба может ожидать и еще один относительно малоизученный вид преимущественно риторических рассуждений – рассуждение на основе примера (paradeigma, παράδειγμα).

Эта разновидность рассуждений упоминается Аристотелем в аргументативном контексте как один из способов убеждения в «Риторике» и как разновидность правдоподобного рассуждения в «Аналитиках». Еще раньше paradeigma встречается в речах Исократа. На нейро-когнитивные основания такого типа рассуждений указывает В. Галлезе (см., например, Gallese 2016), отмечая роль «зеркального механизма», основанного на работе открытых им ранее зеркальных нейронов, в получении «парадеигматического знания». Таким образом, Аристотелева paradeigma встраивается в развиваемую им теорию телесно воплощенной симуляции (embodied simulation). Подробнее о связи объясняющей теории Галлезе применительно к рассуждению на основе примера и феноменологической концепции аналогизирующей апперцепции говорится в подготовленной к публикации статье одного из авторов (Зайцева 2017). Ниже мы акцентируем внимание на логико-когнитивной реконструкции этого рассуждения.

Наибольший интерес представляет фрагмент «Первой Аналитики» (II 24 68b 38 – 69a 19), содержащий относительно подробный разбор рассуждения на основе примера. Имеет смысл привести его практически полностью. «Пример приводится, когда доказывается, что [большой] крайний термин присущ среднему через подобие третьему. При этом должно быть известно, что средний термин присущ третьему, а первый – тому, что подобно третьему» (68b 40). Далее Аристотель вводит условные обозначения: А – «зло», Б – «начинать войну с соседями», В – «война афинян с фиванцами», Д – «война фиванцев с фокейцами». Анализируемый им силлогизм выглядит следующим образом:

«Война с соседями есть зло» – большая посылка.

«Война афинян с фиванцами есть война с соседями» – меньшая посылка.

Следовательно, «Война афинян с фиванцами есть зло» – заключение.

Силлогизм такой логической формы относится к правильным модусам первой фигуры и сам по себе познавательного интереса не представляет. Paradeigma как вид умозаключения проявляется при обосновании большей посылки.

«Итак, если мы хотим доказать, что вести войну с фиванцами есть зло, то нужно принять, что вести войну с соседями есть зло. Но это становится убедительным из [наблюдения] подобных случаев, например из того, что для фиванцев война с фокейцами есть зло» (69a 5), ... «очевидно, что А присуще Д (ибо война с фокейцами не принесла добра); а что А присуще Б, – это будет доказано через Д. И точно также доказывают и тогда, когда из нескольких подобных случаев становится достоверным отношение среднего термина к крайнему. Таким образом, очевидно, что пример показывает отношение не части к целому и не целого к части, а отношение части к части, когда и та и другая подчинены одному и тому же, но одна из них известна» (69 a 10-15).

Таким образом, в данном случае paradeigma строится как двухпосылочное рассуждение: в первой посылке приводится очевидный факт (известный пример о негативных последствиях войны с фокейцами), во второй утверждается о подобии двух отдельных случаев – известного примера и нового случая, войны с фиванцами. В заключении делается, казалось бы, неожиданный вывод о том, что А присуще Б – «начинать войну с соседями есть зло».

На первый взгляд, анализируемое рассуждение напоминает аналогию. Правда, аналогию очень слабую, где единственный признак сходства двух событий – их характеристика как войн с соседями. Но тогда, согласно стандартной трактовке рассуждений по аналогии, заключение должно состоять в утверждении о переносе признака с образца на

сравниваемый предмет, то есть в утверждении, что война с фиванцами есть зло. Однако в Аристотелевом примере такой вывод представляет собой заключение силлогизма. В рассуждении на основе подобия примеров делается совершенно иной вывод, совпадающий с большей посылкой данного силлогизма. Более того, классическим описанием рассуждения по аналогии считается следующий фрагмент «Топики». «Далее следует выводывать на основании сходства, ибо это убедительно и лучше скрывает общее... Хотя этот [прием] сходен с наведением, однако не тождественен ему: в наведении общее принимается на основании единичного, а при указании сходства не получается общее, охватывающее все случаи сходства» (156 b 10-17). При этом для характеристики рассуждения на основе сходства Аристотель использует не термин *paradeigma*, а термин *homoiototes*, что еще раз подчеркивает нетождественность этих типов правдоподобных рассуждений. Все это служит достаточно веским основанием для различения аналогии (*homoiototes*) и риторического примера (*paradeigma*).

Для понимания сути рассуждения на основе примера рассмотрим его вторую посылку более подробно. Обе войны (с фиванцами и с фокейцами) представляют собой единичные случаи, соответственно, высказывания о них относятся к единичным. То, что мы преждевременно выше трактовали как признак сходства, на самом деле есть некоторый общий термин А, обозначающий как минимум два анализируемых примера, а возможно и еще дополнительные случаи. В заключении этого рассуждения Аристотель приводит, на первый взгляд, общее высказывание вида «[все] А есть Б». Может быть в таком случае *paradeigma* следует трактовать как особый вид индукции (наведения), предполагающей переход от знания об отдельных предметах к знанию о классе предметов? Ответ на это вопрос дает сам Аристотель а «Первой Аналитике». «От наведения пример отличается тем, что наведение доказывает присущность [большого] крайнего термина среднему из всех единичных [случаев] и не умозаключает относительно меньшего термина, пример же умозаключает относительно меньшего термина и доказывает не из всех [единичных] случаев» (69a 15). Что в данном случае имеется в виду?

Еще Пирс обращал внимание на парадигмальность силлогистической формы для различения видов рассуждений. В более современной трактовке различие дедукции (в форме силлогистического рассуждения), (обобщающей) индукции и абдукции удобно представить, варьируя посылки и заключение силлогизма.

Таблица 1

Типы рассуждений

<i>Простой категорический силлогизм</i>	<i>Обобщающая индукция</i>	<i>Абдукция</i>
Все М есть Р	Все S есть М	Все М есть Р
<u>Все S есть М</u>	<u>Все S есть Р</u>	<u>Все S есть Р</u>
Все S есть Р	Все М есть Р	Все S есть М

В случае обобщающей индукции посылки по сути дела представляют собой совокупности единичных утверждений типа « s_i есть М» и « s_i есть Р». При этом совокупность объектов $S=\{s_1, s_2, \dots s_n\}$ может быть истолкована как выборка, что в большей степени соответствует современной трактовке обобщающей индукции. Тогда посылка «Все S есть М» просто утверждает, что выборка включается в генеральную совокупность, а вторую посылку «Все S есть Р» естественно понимать как утверждение о том, что каждый предмет из выборки обладает переносимым признаком Р. На наш взгляд, такая схематическая трактовка индукции вполне соответствует словам Аристотеля о том, что индукция доказывает присущность большого термина среднему из всех единичных случаев. Что касается абдукции, то ее естественно понимать следующим образом. Хорошо известно, что «Все М есть Р». Требуют объяснения «странные (непонятные) факты», выраженные

утверждением «Все S есть P». Странное поведение предметов из множества S объясняется тем, что они на самом деле есть M. Содержательный пример: «Известно, что все бобы из данной корзины – белые. Почему эти конкретные бобы белые? Потому что они взяты из данной корзины». Заключение абдуктивного рассуждения представляет собой объясняющую гипотезу.

Возвращаясь к *paradeigma*, мы видим, что этот тип рассуждений не относится ни к дедуктивному, ни к индуктивному, ни к рассуждению по аналогии². Как же тогда понимать тот факт, что заключение *paradeigma* похоже по форме на общее высказывание? Как нам представляется, разгадка кроется в том, что в данном случае M («война с соседями») это не общий термин, а представитель множества – идеальный сингуляр, замещающий сформированную в процессе рассуждения категорию. Пролить свет на механизм рассуждения на основе примера может понятие феноменологической аналогизирующей апперцепции (аппрезентации), введенное Гуссерлем в «Картезианских размышлениях». Рассуждая о переносе смысла с известного предмета (образца) на новый предмет (стимул), Гуссерль трактует этот процесс не как рассуждение, а как нерелефлексивный универсальный когнитивный механизм, основанный на отождествлении двух предметов. Хорошо известен его пример с ребенком, один раз усвоившим смысловое предназначение ножниц, и с тех пор воспринимающим каждый раз ножницы как таковые, с первого взгляда, вне зависимости от того, какая их часть или разновидность попала ему на глаза. В основе аппрезентативного переноса смысла с образца на стимул лежит удвоение, представляющее собой, по Гуссерлю, форму пассивного синтеза (подробнее см. Гуссерль 1998).

Итак, используя феноменологическую идею аппрезентации, мы трактуем первую посылку *paradeigma* как утверждение о тождественности двух примеров. Но при этом под тождественностью понимается не полное совпадение двух предметов (в этом отношении просто нет двух тождественных, полностью совпадающих предметов, даже очень похожие ножницы из приведенного выше примера имеют отличительные индивидуализирующие признаки), а их тождественность в определенном моменте, части или характеристике. Другими словами, война афинян с фиванцами и война фиванцев с фокийцами тождественны именно как войны с соседями. При таком отождествлении сторона (часть или момент) предмета сама становится объектом изучения и благодаря этому осмысливается, превращаясь в самостоятельный осмысленный предмет. Тем самым эта сторона «опредмечивается», отрывается от своего носителя, и мы получаем возможность рассуждать о ней как о самостоятельном предмете, помещая, к примеру, обозначающий его термин на место субъекта в высказывании. Именно в этом смысле заключение *paradeigma* утверждает о присущности войне с соседями зла. Благодаря отождествлению двух войн мы выделяем войну с соседями как момент их тождества, наделяем его самостоятельным бытием и оказываемся способны нечто утверждать или отрицать об этом новом объекте.

Подводя итоги, можно заключить следующее. Во-первых, логическая форма второй посылки рассуждения на основе примера (*paradeigma*) может быть выявлена как утверждение о тождественности двух объектов a и b в контексте M ($a \approx_M b$). Тогда все рассуждение принимает следующий вид:

$(a \approx_M b)$
a есть P
M есть P.

Во-вторых, это рассуждение, наиболее активно используемое в аргументации, не относится ни к дедуктивным, ни к индуктивным (в узком смысле), ни к рассуждениям по

² Справедливости ради, следует заметить, что тексты Аристотеля не всегда представляют согласованную непротиворечивую концепцию. В случае с *paradeigma* также можно найти фрагменты, в которых это рассуждение характеризуется как наведение (см. например, «Риторика» 1356b).

аналогии. Таким образом, риторическое рассуждение на основе примера представляет собой самостоятельную разновидность правдоподобного рассуждения.

Литература

Douven I. 2017 "Abduction", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), forthcoming URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/abduction/>>.

Gallese V. 2016. The Multimodal Nature of Visual Perception: Facts and Speculations. *Gestalt Theory*, 38(2/3). – P. 127-140.

Grillner S., Ip N., Koch C., Koroshetz W., Okano H., Polachek M., Poo M.-M., Sejnowski T.J. 2016. Worldwide initiatives to advance brain research. *Nature Neuroscience*, 19. – P. 1118–1122.

Kakas A., Kowalski R., Toni F. 1995. The role of abduction in logic programming. In: *Handbook of Logic in Artificial Intelligence and Logic Programming*, Oxford University, Oxford.

Гуссерль Э. 1998. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента.

Зайцева Н.В. 2017. Когнитивно-феноменологическая интерпретация риторического примера // в печати.

Финн В. К. 1998. Синтез познавательных процедур и проблема индукции // Научно-техническая информация, сер. 2, № 1-2. – P. 3-52.

Сведения об авторах

Зайцев Дмитрий Владимирович, профессор кафедры логики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, zaitsev@philos.msu.ru

Зайцева Наталья Валентиновна, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ), Москва natvalen@list.ru